

Оскар Кокошка и его диковинные игрушки | Curiosités d'Oscar Kokoschka à La Chaux-de-Fonds

Автор: Ольга Юркина, [Ля Шо-де-Фон](#), 16.05.2011.

На Вилле Дофин Оскара Кокошки, Вилльнёв, фотография 2006 года (Fondation Oskar Kokoschka, Musée Jenisch Vevey)

Необычная выставка, открывшаяся в Музее изобразительных искусств Ля Шо-де-Фон, приоткрывает секреты творческой лаборатории австрийского художника, драматурга и постановщика, экспрессиониста во всех смыслах и формах искусства.

| Une exposition plus que curieuse, présentée au Musée des Beaux-Arts de La Chaux-de-Fonds, invite dans un laboratoire artistique du peintre, poète et metteur en scène autrichien, le "seul véritable expressionniste" dans tous les sens et toutes les formes d'art.

Curiosités d'Oscar Kokoschka à La Chaux-de-Fonds

«Я думаю, что я единственный настоящий экспрессионист... Я не экспрессионист, потому что экспрессионизм – одно из направлений современной живописи. Я не последовал ни за одним направлением. Я экспрессионист, потому что не умею делать ничего другого, кроме как выражать экспрессию жизни... Четвертое измерение на моих картинах – проекция меня самого». (Оскар Кокошка)

Что общего может быть между трогательным пластмассовым осликом, качающим головой, и статуэтками индийских божеств, между мексиканской марионеткой и японской фигуркой тигра? Вещи могут рассказать многое о своем владельце и способны приоткрыть секреты творческого вдохновения, если их владелец – художник.

Имя Оскара Кокошки (1886-1980) в сознании большинства из нас связано с экспрессионизмом, венским модерном и берлинским сецессионом. Поклонники театра, скорее всего, слышали о скандальных постановках его пьес «Сфинкс и соломенное чучело» или «Убийца, надежда женщин», шокировавших в начале XX века даже искушенную авангардистскими находками публику. Но лишь историки искусства и немногие любознательные, посещавшие Фонд Оскара Кокошки в Веве, знают, что австрийский экспрессионист на протяжении всей своей жизни оставался страстным коллекционером и возвращался из многочисленных путешествий с сувенирами, которые одновременно служили ему моделями. Со временем их накопилось столько, что Кокошка даже собирался устроить в доме родителей «салон диковинок», - о чем сообщала мать художника его сестре Берте в письме от 30 сентября 1920 года.

Воплотить идею «кунсткамеры» в жизнь он смог только тридцать лет спустя: сокровищница редкостей, наконец, нашла приют на берегах Женевского озера, в городке Вилльнёв, где Кокошка поселился со своей женой Ольдой после Второй мировой войны. Швейцарию он полюбил еще во время самой первой поездки, в 1909 году, которую совершил в сопровождении своего учителя, венского архитектора Адольфа Лооса. Альпийская природа произвела на молодого художника неизгладимое впечатление: именно здесь, вероятно, зародилась любовь Кокошки к

пейзажу, и гармоничное сосуществование гор и озер показалось ему островком спокойствия в бурном мире.

С тех пор, на протяжении всей своей жизни, наполненной добровольными или вынужденными переездами, он мечтал вернуться в Швейцарию и остаться здесь. Мечта исполнилась лишь после войны: из Лондона, куда художник, попавший в список [«дегенеративных»](#), бежал от нацистского режима, Кокошка переехал в маленькую виллу, которую смог купить недалеко от Веве. Хотя он не говорил по-французски, ему важно было именно место: вид на озеро и горы, идеальный пейзаж для отдохновения души. Вместе с ним только в Швейцарии обрела, наконец, свой собственный дом и его коллекция.

Надо сказать, свои «игрушки», как он их ласково называл, Кокошка собирал для себя и никогда не относился к ним как к целостной коллекции. Некоторые он хранил у родителей, другие возил с собой, причем нередко терял. Может быть поэтому, собрание предметов, наполнявших комнату его домика в Вилльнёв, кажутся на первый взгляд эклектичными. Античные вазы, старинные монеты, скульптуры и марионетки индейских цивилизаций Америки, Византии, Средней Азии, Индии, Африки, Океании соседствуют с безделушками, купленными на блошином рынке, засушенными растениями и минералами, традиционными экспонатами кабинетов диковинок. Но он их все одинаково любил, будь то греческая амфора или бронзовый петушок.

После смерти художника, в 1987 году, его вдова Ольда создала в Веве Фонд, чтобы увековечить память о муже. Пестрое собрание переехало в музей Йениш вместе с 800 произведениями экспрессиониста, от самого раннего периода Венских мастерских и знакомства с полотнами Климта и Ван Гога, до последних работ, в которых чувствуется опыт в Берлинском сецессионе, влияние группы «Мост», Кандинского и Франца Марка. Если картины, рисунки, акварели и гравюры Кокошки с самого начала оказались в центре выставок, организуемых Фондом, то к его коллекции специалисты присматривались долгое время, прежде чем найти в ней ключ к творческим поискам и внутреннему миру художника.

Так возник проект выставки «Оскар Кокошка – Кабинет диковинок», организованной Фондом Оскара Кокошки совместно с музеем Линера в Аппенцелле и исследователями творчества авангардиста в Институте истории искусства и музейного дела Университета Невшатель. Музей изобразительных искусств Ля Шо-де-Фон принимает выставку у себя, правда, не в первоначальном ее варианте, как объяснила «Нашей Газете.ch» директор музея, Лада Умштеттер-Мамедова.

«Первоначальный проект принадлежит куратору Фонда Регине Бонфуа. Мы взяли за основу идею показать личную кунсткамеру Кокошки, проведя параллели между его «игрушками» и произведениями, но сами выбрали экспонаты. Когда создавался Фонд, все эти вещи сначала просто перевезли туда, и только потом осознали, что между коллекцией и творчеством Кокошки существует тесная связь. Он ищет вдохновения в своих «игрушках». Выставка этих многочисленных предметов наряду с работами Кокошки - попытка войти в его творческую лабораторию. Например, показать, как из статуэтки животного рождается костюм для иллюстрации «Сна в летнюю ночь» Шекспира. Мы выбирали предметы, которые нам казались наиболее интересными, говорящими. И — адаптировали выставку к нашему музейному пространству, которое позволяет организовать залы по темам: природы, античного искусства, экзотических стран, культа женщины, христианства...»

Вход на выставку и — в личное пространство Кокошки — знаменует медный умывальник, который висел около входной двери его дома в Вильнёве. Автопортреты, личные вещи, статуэтки воссоздают атмосферу, в которой жил художник, и становятся введением к рассказу о том, как внешний мир, проходя через внутреннее восприятие художника, вдохновляет его на производство искусства. Неслучайно Кокошка называл себя настоящим экспрессионистом — тем, который выражает саму экспрессию жизни, и подчеркивал: «четвертое измерение на моих картинах — проекция меня самого...»

И в том, что он интересовался самыми разными видами искусства, от живописи и скульптуры до поэзии и танца, нет ничего удивительного. Экспрессионизм в самом широком смысле слова – том, в каком понимал и переживал его Кокошка, не знает границ между жанрами и формами художественного выражения, поэтому в своей живописи он вдохновляется скульптурами и марионетками, а свой театр мыслит пластическими образами. Так, еще в период Венских мастерских Кокошка увлекается примитивным искусством, масками Океании и Африки, марионетками Полинезии и острова Явы, очарованный движениями их теней.

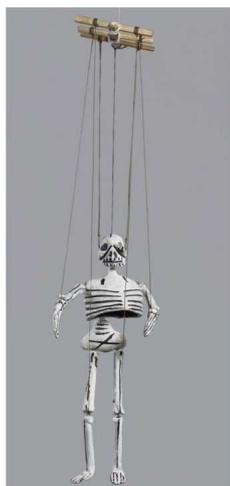
«Кокошка окружал себя только теми вещами, которые произвели на него сильное впечатление», - подчеркивает Лада Умштеттер-Мамедова. – «И это внутреннее впечатление он переносил на полотна. У него есть картина с изображением ракушек на пляже. Историки искусства уже проверили, что в момент написания картины Кокошка не был на море: почти нет сомнений, что он рисовал ее у себя дома, а моделями послужили собранные им ракушки. И видно – по самим ракушкам и по тому, как они представлены на картине, - что Кокошку поразила их рельефная поверхность, которую приятно трогать...»

Множество предметов, собранных художником, послужили ему моделями для иллюстраций и картин, акварелей, литографий. Так, на титульном листе иллюстраций к «Троянкам» фигурирует бронзовая коринфская каска VI века до н.э., купленная Кокошкой в 1960 году у лондонского антиквара. В своих письмах художник нередко намекает на связь своих сокровищ с творческими поисками. Так, 15 февраля 1954 года, он пишет другу, что хотел бы приобрести резные маленькие вещички, монеты, бронзовые статуэтки, вазы

«этих дорогих греков», чтобы черпать вдохновение для своей работы. В письме сестре от 1 апреля 1957 года Кокоска рассказывает о покупке мраморной головы Афины IV века до н.э. - «находке, высокое качество которой вдохновит меня усовершенствовать образ Тезея на одной из картин».

К античной Греции Кокоска был равнодушен с давних пор: на него оказали сильное воздействие идеи Вагнера и Ницше, а образы амазонок и греческих героев «Пентесилеи» немецкого писателя Генриха фон Клейста питали его воображение во время создания «Убийцы, надежды женщин» в 1907 году. В своих воспоминаниях «Моя жизнь» Кокоска опишет работу над постановкой 1909 года, когда он решил раскрасить лица и тела актеров в тех местах, которые оставались неприкрытыми одеждой: «Знания, которые мне дал этнографический музей, оказались полезными. Я узнал, рассматривая препарированные черепа примитивных народов, как, из страха смерти, мы создаем черты жизни, складки смеха или гнева, чтобы вернуть видимость жизни лицу. Я украсил руки и ноги актеров тропинками нервов, мускулов...»

Этнография с самого начала служила художнику эстетической и философской базой, и со временем интерес рос, распространяясь на другие экзотические страны и цивилизации.

Так, мексиканская марионетка-скелет заставляет Кокоску переосмыслить традиционную немецкую тему «Девушка и смерть»: в фигуре смерти на акварели без труда можно узнать прообраз – маленькую марионетку. Впрочем, без труда параллели находятся уже тогда, когда модель оказывается рядом с произведением: однако исследователям понадобилось немало времени, чтобы проследить возможные связи и сопоставить «игрушки» Кокоски с образным миром его работ. «Мы хотели предложить взгляд за кулисы творчества, ведь у зрителя редко есть возможность найти источник вдохновения художника...» - комментирует Лада Умштеттер-Мамедова.

По ее словам, сильнейшими

источниками вдохновения для Кокошки-экспрессиониста были образы женщины и Христа. «Тема женщины — очень важна для него. Прежде всего, из-за трагической истории любви с Альмой Малер, вдовой знаменитого композитора. Они с Кокошкой прожили вместе несколько лет, пока она не ушла, потому что боялась не выдержать его всепоглощающей любви. Кокошка очень мучительно переживал разлуку, ушел на фронт с мыслью погибнуть, создал невероятные по силе произведения в этот период. Сам по себе процесс создания картины — карандаши, источенные как ножи, толстые мазки, - становится знаком экспрессионизма», - рассказывает директор музея Ля Шод-Фона. Тема культа женщины, будь то индийская богиня или Мадонна, - находит выражение в творчестве Кокошки.

Что же могло объединить для художника индонезийские фигурки с христианским распятием, или деревянного поросенка - с коринфским шлемом?

Лада Умштеттер-Мамедова видит в экспонатах, собранных Кокошкой, не столько эстетическую, сколько эмоциональную взаимосвязь: «Я думаю, он руководствовался в своем выборе эмоциями. Собирал все, что его сильно впечатляло, как настоящий экспрессионист. Античные трагедии трогали его бурными переживаниями, в экзотических экспонатах его интересовало все, что сильно воздействовало, переворачивало изнутри. В христианстве он находил, конечно, физически и психологически сильные образы. Думаю, это не столько стилистический, эстетический интерес, сколько эмоциональный. Он любил вещи, которые трогают. Иначе что может объединить античную вазу с пластиковым осликом, качающим головкой... Именно поэтому выставка многим понравится — даже тем, кто не знаком с творчеством Кокошки или далек от него: собранные им экспонаты живут своей жизнью, трогают людей самым непредсказуемым образом. Не обязательно по той же причине, по какой они понравились художнику. Просто это вещи, вызывающие эмоции. Разнообразие предметов и фигурок на выставке будет интересно и детям, для которых мы специально опустили витрины пониже - чтобы удобнее было рассматривать».

Интересно, что дадаисты, любившие и почитавшие произведения Кокошки, видимо, почувствовали значение «диковинных предметов» в мировосприятии и творчестве экспрессиониста. Когда в цюрихской галерее дада ставили спектакль по пьесе «Сфинкс и соломенное чучело», его озаглавили «Диковинка от Оскара Кокошки». Если у вас еще остались сомнения, что внутренний мир художника может раскрыться в собранных им диковинках, не упустите возможность развеять их в музее города Ля Шо-де-Фон.

[Оскар Кокошка - Кабинет диковинок](#)

15 мая - 4 сентября 2011

[Музей Изобразительных искусств Ля Шо-де-Фон](#)

La Chaux-de-Fonds

Rue des Musées 33

Музей открыт ежедневно с 10 до 17 часов

[Фонд Оскара Кокошки в Музее Йениш Веве](#)

Статьи по теме

[Кот Мильтон познает искусство в Ля Шо-де-Фон](#)

[Ля Шо-де-Фон и Ле Локль получили «путевку в международную жизнь»](#)

[Города-часовщики](#)

[Кто такая Лада Умштеттер?](#)

[Швейцария не вернет картину Джона Констабля](#)

Source URL: <http://www.nashgazeta.ch/news/11763>